

В «Изо» Такаси Миике представил полный спектр азиатских безумств — и Такаси Китано (на фото справа) не забыл

самурай испустил дух

азиатский киноэпатаж в Роттердаме

*Газета - 2005. - 1
февр. - с. 73.*

ЕКАТЕРИНА ЧЕН РОТТЕРДАМ

Представительство Азии в программе роттердамского кинофорума напоминает сборник хитов: дайджест наиболее заметных достижений отчетного восточного киногода, с бонусами в виде дебютов. «Дому летающих кинжалов» в программе место вряд ли бы нашлось — слишком уж зрелищное, проголливудское кино. Но Вонг Кар-Вай, Ким Ки-Дук, Корээда, Оксид Панг — пожалуйте. Особенно удачно вписались в этот ряд фильм-триптих «Три экстрима» и очередной, но из ряда вон выходящий опус популярного у нас Такаси Миике — «Изо».

Японский постановщик «Кинопробы» и «Одного пропущенного звонка» выпекает картины, что пирожки печет. Похоже, не только для Такаси Миике, но и для многих его азиатских коллег это никакой не трудовой подвиг, а обычное дело. Качество, правда, гарантировать уже нельзя, и фильм на фильм у неутомимых поточников не приходится. Но в случае «Изо» художественные свойства — сущие мелочи по сравнению с масштабом замысла. Режиссер впахнул в двухчасовой формат все, что смог: древние самурайские ритуалы, операцию современного спецназа, пособие по генезису на клеточном уровне, нарезку исторической хроники с Гитлером, Сталиным, Цусимой и Хиросимой, геополитические рассуждения о власти, философские сентенции и претензии на памфлет. Красивыми емкими фразами выражаются тут все — от императора с министрами до детишек на уроке в школе. Периодически со страстными песенными комментариями в происходящее встречается японский исполнитель Томокава, эдакий Высоцкий с латиноамериканским протестным темпераментом. Почти всех персонажей, кроме этого певца, объединяет одно: им не выжить. Дело в том, что по экрану с мечом наголо путешествует из эпохи в эпоху Изо — оживший зомби-самурай, неумный дух казненного 150 лет назад воина. Изо, соединивший в себе повадки франкенштейнова чудища и эффективность неистребимого компьютерного вируса, рубит и колет все, что движется, и даже автоматные очереди не в состоянии его остановить. Самый смак зрелища в том, что в каждом эпизоде Миике успевает спародировать или процитировать кого-то из коллег, словно прилаживая к своей картине обрезки чужих. Для начала самурая Изо, прежде чем он воскреснет, натуралистично распинают на кресте. И пока тело низывают на мечи, как на вертел, зрителя не покидает ощущение, что Такаси Миике хотел поиздеваться не над кем-нибудь, а именно над Гибсоном и «Страстя-

ми Христовыми». В другой сцене живописная пара, самурай с барышней, оказываются в бамбуковом лесу. Заменя актеров — и получай фрагмент из Чжана Имоу. К его же «Герою» явно отсылают целые куски саундтрека, с гулками каплями и звуками народного щипкового инструмента. Когда неумный Изо попадает в стены школы и принимается изничтожать учащихся, невольно вспоминается «Королевская битва». А короткая, но душераздирающая сцена прощания самурая с матерью в лесу — явный намек на раннее творчество Нагисы Осимы. В роли японского премьер-министра на совещании у императора по вопросу «как же все-таки расправиться с ходячим кошмаром» появляется Бит Такеси (Китано). Его вселяющая оптимизм кривая улыбочка, пусть и среди абсолютно трэшевого антуража, довершает азиатскую мозаику.

А Миике между тем поучаствовал и в триптихе «Три экстрима», но там его новелла «Ящик», с традиционным для японских ужастиков сюжетом о мстительной невинно убиенной девочке, оказалась наименее яркой. Уже больно эпатажные истории выбрали для проекта другие два режиссера: Фрут Чан из Гонконга и кореец Пак Чан Вук. Последний продолжил линию, принесшую ему всемирную славу в «Олдбое»: в экстремальном среднетражном «Cut» (что можно перевести и как «Снято», и как «Отрублено», поскольку в картине делают и то и другое) гад-садист без причины мучает славных людей. Попытки обставлены сочно, изобретательно, и в постановочном таланте каннского лауреату Паку не откажешь. Однако общий пафос и эстетическая цель его затей как-то неясны. Роттердамская публика за многолетнюю историю фестивалей, конечно, повидала немало патологий, но Паку, пожалуй, предпочтут не столь радикального Ким Ки-Дука, чей «Пустой дом» в первые дни просмотров стал лидером зрительских симпатий. Что же до оставшейся части триптиха, то новеллу «Пельмени» вернее было бы приписать не режиссеру Фруту Чану, а оператору ленты Кристоферу Дойлу. Бал здесь правит камера. Как в случае со всем, что в последнее время снимает Дойл, кажется, что опять подглядываешь за соседями в «Любовном настроении». Ракурсы, свет, композиция в кадре предметов, лиц, да хоть бы и просто занавесок, что колышутся от движения воздуха, — словом, все визуальное оформление затмевает драматургию — экстремальную, за гранью фолла. Даже несмотря на смягчающий флер, блестяще организованный оператором, эта история про омоложение женского организма, с элементами каннибализма, инцеста и органовредительства, заставила нервно смеяться (в целях защиты психики) даже очень крепких зрителей. Все-таки никак западный человек не привыкнет к жестокому обращению с киногероями, которое снова и снова демонстрирует азиатская продукция. Одна радость — обильно льющаяся в этих фильмах кровь, по счастью, все еще похожа на краску.